

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

УДК 903(1/9) «61/63»

Л.В. Панкратова

О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ¹

Томский государственный педагогический университет

В начале 1970-х гг. Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета было развернуто полномасштабное археологическое исследование урочища Барсова Гора, расположенного на правом берегу р. Оби, в 8–15 км к западу от г. Сургута. В результате обследования было выявлено 55 городищ [1, с. 201]. Для выяснения хронологии и культурной принадлежности памятников были предприняты стационарные исследования, которые ведутся параллельно с разведочными работами. Уральские коллеги активно вводят источники в научный оборот. Накопленный за годы изучения урочища материал позволил археологам разработать культурно-историческую схему развития Сургутского Приобья в целом и периодизацию раннего железного века в частности.

Культурно-историческая периодизация раннего железного века региона разработана Ю.П. Чемякиным [2–4]. Первый этап раннего железного века – белоярско-васюганский (VIII–VII – IV–III вв. до н. э.) характеризуется исследователем как переходный период, время распада культурных образований эпохи бронзы и возникновения белоярской и калинкинской культур. Ю.П. Чемякин полагает, что «взаимодействие двух культур завершилось формированием на их основе кулайских древностей» [4, с. 35]. Второй этап – кулайский – распадается на две стадии: раннекулайскую (IV–III – I вв. до н. э.)

и саровскую (I в. до н. э. – III в. н. э.). На первой стадии происходит «значительная нивелировка материальной культуры в границах северо-западносибирской историко-этнической ИЭО², образуется кулайская культура» [4, с. 35]. Саровская стадия характеризует завершающий этап раннего железного века [4, с. 37].

Однако предложенная Ю.П. Чемякиным периодизация вызывает возражения. Прежде всего, в ней не учитывается сложившаяся и закрепившаяся в историографии науки терминология. Это касается наименования первого этапа раннего железного века – белоярско-васюганского. Исходя из позиции Ю.П. Чемякина, кулайская культура в Сургутском Приобье складывается к концу белоярско-васюганского этапа раннего железного века в результате взаимодействия белоярской и калинкинской культур. Вместе с тем во второй части предложенного названия этапа используется наименование этапа кулайской культуры (раннекулайского или васюганского) из периодизации, разработанной Л.А. Чиндиной [5]. Если сопоставить периодизации двух исследователей, то оказывается, что они различаются и по содержанию, и по хронологии (см. таблицу). Белоярско-васюганский этап (по Ю.П. Чемякину) начинается и заканчивается раньше васюганского этапа кулайской культуры по периодизации Л.А. Чиндиной. Иначе говоря, васюганский этап разбит Ю.П. Чемя-

Периодизации раннего железного века Приобья

Чиндина Л.А., 1984, с. 120, 122	Чемякин Ю.П., 1999, с. 35	Данченко Е.М., 1996, с. 81	Полосьмак Н.В., 1987, с. 105
Васюганский (раннекулайский) этап кулайской культуры VI – II вв. до н. э.	Белоярско-васюганский этап раннего железного века Сургутского Приобья VIII–VII – IV–III вв. до н. э. Кулайский этап: 1 раннекулайская стадия IV–III – I вв. до н. э.	Журавлёвский тип памятников южнотаежного Прииртышья VI–IV вв. до н. э. Богочановский тип памятников IV–II вв. до н. э.	Новочёкинская культура Барабинской лесостепи V–III вв. до н. э.
Саровский (позднекулайский) этап кулайской культуры II–I вв. до н. э. – V в. н. э.	Кулайский этап: 2 саровская стадия I в. до н. э. – III в. н. э.		

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 04-01-00379а.

² ИЭО – историко-этническая общность.

киным на две стадии, причем ранняя стадия кулайской еще не является, но называется исследователем васюганской. Вторая стадия – уже кулайская – не имеет собственного названия.

Представляется неточным и утверждение Ю.П. Чемякина, что «в начале второй четверти I тыс. до н. э. возникают древности кульминского типа, гамаюнская, белоярская, богочановская, новочекинская культуры, памятники с керамикой 2–4 групп (по Л.А. Чиндиной)» [4, с. 30]. Как видно из приведенных в нашей таблице данных, богочановский тип памятников (третья четверть I тыс. до н. э.) не синхронен белоярским, а совпадает с раннекулайской стадией (по Ю.П. Чемякину). Переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку в Прииртышье Е.М. Данченко связывает с журавлёвским типом памятников [6]. Новочекинская культура Барабинской лесостепи также датируется только третьей четвертью I тыс. до н. э., что уже хронологии белоярско-васюганского этапа раннего железного века Сургутского Приобья (см. таблицу). Нижняя дата новочекинских памятников приближается к верхней границе белоярско-васюганского этапа. Отчасти новочекинские комплексы синхронны поздним журавлёвским и, видимо, ранним богочановским. Учитывая предложенные Н.В. Полосьмак датировки [7], новочекинские памятники, вероятно, появляются несколько позднее васюганских, но и прекращают существовать раньше последних. Однако этот вывод, исходя из текста монографии Н.В. Полосьмак, неочевиден. Более того, синхронизируя новочекинские и васюганские памятники, Н.В. Полосьмак некорректно ссылается на хронологию васюганского этапа, предложенную Л.А. Чиндиной. Н.В. Полосьмак пишет, что «керамика новочекинского типа укладывается в хронологические рамки существования васюганского (по Л.А. Чиндиной – IV – II вв. до н. э.)» [7, с. 105], но в тексте, на который ссылается исследовательница, указана другая дата – VI–II вв. до н. э. [5, с. 106]. Таким образом, сопоставление предложенных периодизаций показывает, что выделенные археологами этапы и культурные образования синхронны лишь отчасти.

Выделяя белоярско-васюганский этап раннего железного века в Сургутском Приобье, Ю.П. Чемякин основывается на том, что такие культурные образования, как белоярская, богочановская, новочекинская культуры, а также памятники с керамикой 2–4 групп Нарымского Приобья, рассматривавшиеся Л.А. Чиндиной в рамках васюганского этапа кулайской культуры (или общности) не имеют типичных кулайских признаков: сосудов, украшенных штампом уточка, массивных трехгранных наконечников стрел, специфического культового литья [4, с. 30]. Однако Е.М. Данченко указывает, что «в IV–III вв. до н. э. богочановцами использовались стрелы как

с кулайскими наконечниками... так и с наконечниками степных типов» [6, с. 60]. Керамика с элементом орнамента уточка выявлена на Богочановском городище и поселении Затон [6, рис. 68, 3, 5]. Обнаружена на богочановских памятниках и бронзовая металлопластика [6, рис. 56]. О посуде новочекинской культуры известно немного. В отличие от публикаций богочановских или среднеобских керамических комплексов, в монографии Н.В. Полосьмак не приводятся статистические данные ни по памятникам в отдельности, ни по культуре в целом. В рисунках можно увидеть венчики примерно пятидесяти сосудов, среди которых есть и сосуд, орнаментированный штампом уточка [7, рис. 63, 3]. Наконечники стрел кулайского типа обнаружены в могильнике Новочекино 2 и на поселении Новочекино 1 [7, с. 71]. Не выявлена в новочекинских памятниках только металлопластика, сопоставимая с кулайской. Вещи кулайского облика обнаружены и в памятниках белоярско-васюганского времени Сургутского Приобья. Массивный бронзовый трехгранный наконечник стрелы расчищен в очаге белоярского жилища селища Барсова гора III/38 [4, с. 36, рис. 11, 5; 8, с. 117]. Среди изделий белоярской культуры известны находки девяти плоских бронзовых культовых фигурок [4, с. 32]. Судя по публикации бронзовых изделий, они имеют кулайский облик (городище Барсов городок I/3, селище Барсова гора III/49) [4, с. 36, рис. 11, 2, 3, 4]. Видимо, поэтому в другой работе Ю.П. Чемякина эти отливки опубликованы в таблице среди артефактов, характеризующих сургутский вариант кулайской культуры [2, с. 71, рис. 5, 25, 26]. Таким образом, «набор типичных кулайских признаков» обнаруживается как в сургутских, так и в богочановских, и в новочекинских материалах. Для прииртышских и барабинских памятников это не удивительно, ведь и по периодизации Л.А. Чиндиной, и по периодизации Ю.П. Чемякина и те и другие относятся к раннекулайскому времени. Что касается памятников белоярско-васюганского этапа раннего железного века, то присутствие в них изделий кулайского облика можно объяснить импортом с территорий, где кулайская культура уже сформировалась. Тогда, вероятно, следует предположить, что появление кулайцев в Сургутском Приобье есть результат миграции. Либо следует признать, что белоярская и калининская культуры входят в состав кулайской культурно-исторической общности.

В начале раннего железного века в Сургутском Приобье действительно появляются мигранты – носители калининской культуры. Ю.П. Чемякин не видит в орнаментике калининской посуды местных корней и предполагает, что калининская культура могла сложиться «в более южных (юго-восточных ?) районах» [4, с. 35]. Учитывая датировку

калинкинских древностей (VI – IV–III вв. до н. э.) и богочановских, новочёкинских и васюганских памятников, не сложно предположить, откуда могли появиться мигранты-калинкинцы в Сургутском Приобье. Кстати, Ю.П. Чемякин сам отмечает, что керамика, напоминающая сургутскую, обнаружена в Васюганском Приобье [2, с. 69]. Таким образом, наиболее ранними и синхронными оказываются схожие по керамическому инвентарю памятники Сургутского и Нарымского Приобья. В сложившейся ситуации становится очевидным, что своеобразие выделенных культур и типов памятников сводится к специфике керамических комплексов переходного времени и начала раннего железного века этих регионов.

Исследования томских археологов убедительно доказывают, что в Нарымском Приобье формирование кулайской культуры происходило на местной основе, а эволюция орнаментики имеет непрерывный поступательный характер. Начало раннего железного века в Нарымском Приобье представлено Нововасюганским поселением (р. Васюган) и Карбинским городищем (р. Кеть). Керамические комплексы памятников, находящихся на значительном расстоянии друг от друга, декорированы орнаментальными композициями, выполненными по общим правилам синтагматики. Керамика Нововасюганского поселения, с одной стороны, имеет сходство с посудой финала эпохи бронзы Среднего Приобья и Прииртышья; с другой стороны, в орнаментике посуды появляются черты, типичные для раннего железного века [9, с. 44, 45]. Среди орнаментов Нововасюганского поселения не выявлены мотивы, выполненные штампом уточка, но на Карбинском городище найден один фрагмент, украшенный этим орнаментом. Кроме того, на городище обнаружена кулайская культовая металлопластика. Хронология памятников установлена на основании датировок бронзовых наконечников стрел. В культурном слое Карбинского городища расчищены два трехлопастных наконечника стрел с обломанными черешками, аналоги которым широко распространены в «восточных культурах скифского мира в VII–III вв. до н. э.» [10, с. 128]. Трехлопастные наконечники стрел, известные по фрагментам, обнаруженным на Нововасюганском поселении, по мнению Ю.Ф. Кирюшина, предшествовали кулайским наконечникам и «являлись связующим звеном с наконечниками эпохи поздней бронзы» [9, с. 46].

Дальнейшее направление эволюции орнаментики хорошо прослеживается на керамике Нововасюганского городища и Степановского комплекса памятников. В материалах Нововасюганского городища выявлены как сосуды, аналогичные посуде Нововасюганского поселения и Карбинского городи-

ща, так и сосуды, орнаментированные типичными кулайскими композициями, в том числе с использованием штампа уточка [11, с. 76, рис. 8]. Орнаментальные композиции, содержащие оттиски штампа уточка выявлены в керамических комплексах всех степановских памятников. Эволюция орнаментики васюганского типа керамики и ее генетическая связь с орнаментикой посуды саровского типа убедительно продемонстрирована в исследовании Л.А. Чиндиной [12].

Появление нового фигурно-штампового элемента (уточка) не вызвало радикальных изменений в орнаментике посуды нарымских памятников. Напротив, элемент вписался в общую структуру композиции, и тенденция развития орнаментального декора от геометрического непрерывного к дискретному была продолжена [11]. Фигурно-штамповая техника более соответствовала этой тенденции, но само направление развития орнаментики имело имманентный характер. Представляется, что сопоставление орнаментальных композиций на уровне элементарных единиц – элементов орнамента – не дает убедительных результатов, как и появление одного элемента орнамента (уточка) недостаточно для дифференциации керамических комплексов на этапы и культуры. Ведь штампованная уточка появляется еще на посуде памятников финальной бронзы как в Нарымском (поселение Тух-Сигат IV), так и в Сургутском Приобье (селище Барцевка IV) [13, с. 267, рис. 1; 14, с. 108, рис. 1, 17, 20, с. 110, рис. 3, 3, 15]. Из этого следует, что отказываться от гипотезы о формировании кулайской культуры в Сургутском Приобье было бы преждевременно. Однако процесс формирования кулайской культуры в Сургутском регионе, очевидно, отличался от генезиса кулайской культуры в Нарымском Приобье.

Полагаем, что решение проблемы формирования кулайской культуры в Среднем Приобье возможно при рассмотрении орнамента как системы, устойчивые инвариантные характеристики которой образуют ее структуру. Однако нам не известно ни одной работы, в которой было бы проведено изучение и сравнение структуры орнаментальных композиций памятников раннего железного века из разных районов Обь-Иртышья.

Таким образом, ранняя стадия эпохи железа фиксируется схожими керамическими комплексами как в Сургутском, так и в Нарымском Приобье. Однако в Нарымском Приобье прослеживается автохтонная эволюционная линия развития орнаментики, в то время как в Сургутском Приобье появляется лишь пришлый компонент. Исходя их конкретной источниковой базы, Л.А. Чиндина и Ю.П. Чемякин используют разные методологические подходы в решении проблемы периодизации. Л.А. Чиндина рассматривает стадию генезиса кулайской культуры в

рамках культуры, а Ю.П. Чемякин склонен дифференцировать периодизацию, выделяя переходные периоды. В методологическом аспекте обе позиции имеют право на существование. Однако позиция Л.А. Чиндиной о формировании кулайской культуры в Среднем Приобье обоснована типологическими построениями, стратиграфическими наблюдениями, данными радиоуглеродного датирования, и она не опровергнута иными исследованиями. Поэтому полагаем, что необходимо придерживаться предложенных данным исследователем наименований в определении периодов эволюции кулайской

культуры: васюганского и саровского. Для характеристики локальных явлений становления культуры необходимо использовать иную, четко обоснованную терминологию, отражающую реальные исторические процессы, происходящие в регионе. Например, начальный этап раннего железа в Сургутском Приобье было бы целесообразно назвать белоярско-калинкинским, подчеркнув тем самым двухкомпонентный, неоднородный состав населения, а за следующей стадией сохранить название васюганского этапа кулайской культуры.

Поступила в редакцию 14.09.2006

Литература

1. Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища на Барсовой горе // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005.
2. Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов западной Сибири. Новосибирск, 1989.
3. Чемякин Ю.П. Проблемы археологии раннего железного века в Сургутском Приобье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
4. Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург, 1999.
5. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.
6. Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н. э. Омск, 1996.
7. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
8. Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора. Археологическая карта. Сургут; Омск, 2004.
9. Кирюшин Ю.П. Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 16.
10. Яковлев Я.А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991.
11. Кирюшин Ю.Ф., Панкратова Л.В. Нововасюганское городище // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2002. Т. 1.
12. Чиндина Л.А. Орнамент керамики степановских памятников // Искусство и фольклор народов Сибири. Томск, 1984.
13. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южнотаежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.
14. Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Новое поселение барсовской культуры (предварительная публикация) // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991.

УДК 39

М.А. Овчарова

МОРДВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: РАССЕЛЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Барнаульский государственный педагогический университет

Для понимания современных этнических процессов в России большое значение имеет изучение истории формирования тех или иных этнических групп. В результате интернационализации, урбанизации, увеличения социальной мобильности в наибольшей степени пострадали этнические группы, которые в силу разных причин оказались оторванными от родовой территории и проживают в иноэтническом окружении. Перед исследователем встает задача изучения путей и специфики развития таких

групп. Среди факторов, определяющих характер протекания этнических процессов, важное место занимает динамика численности этносов, их миграции, политика государства.

Вопросы формирования этнической группы мордвы Алтайского края, ее этнографические и этнические характеристики до последнего времени находились за рамками интереса региональной этнографической науки. Перед нами стоит задача освещения проблем расселения и численности мордвы